

О.П. Реєнт. – К.: Федерація профспілок України, 2002. – 732 с.

9. Про затвердження Порядку підготовки та оформлення рішень щодо легалізації об'єднань громадян та інших громадських формувань : Наказ Міністерства юстиції України від 08.07.2011 року № 1828/5. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0855-11>.

10. Сопелкін І. С. Конституційно-правове регулювання організації та діяльності профспілок в Україні: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Сопелкін Ігор Сергійович; Ін-т законодавства Верховної Ради України. – К., 2012. – 20 с.

11. Уманський О. М., Сумцов В. Г., Гордієнко В. Д. Соціально-трудова відносина : Навч. посібн. / О. М. Уманський, В. Г. Сумцов, В. Д. Гордієнко. Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2003. – 472 с.

12. Юридична енциклопедія : В 6 т. / Редкол.: Ю. С. Шемшученко (відп. ред.) та ін. – К. : «Укр. енцикл.», 1998. – Т. 1: А – Г. 672 с.

13. Снигирева И.О. Профсоюзы как субъекты советского трудового права. – Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. – М.: ВНИИСЗ, 1988. – 34 с.

14. Чибисов В.А. Правовые аспекты реализации защитной функции советских профсоюзов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Мос. гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова. – М., 1975. – 20 с.

15. Скаун О.Ф. Теорія держави і права: підручник : пер. з рос. / О.Ф. Скаун. – Х. : Консум, 2001. – 656 с.

16. Скаун О. Ф. Теорія права і держави [Електронний ресурс] / Скаун О. Ф. – Режим доступу : <http://westudents.com.ua/glavly/70097-4-galuzta-nstituti-zakonodavstva.html>.

О ПРАВЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ФИКСАЦИЮ ФАКТОВ ПРОТИВОПРАВНОГО ВЛИЯНИЯ НА НИХ

Руслан ТАРАСЕНКО,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
начальник докторантуры и адъюнктуры
Одесского государственного университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to the legal and theoretical issues of fixation the participants of criminal process of the facts unlawful influence on them in connection with participation in a criminal proceeding. The contains results of statistical and empirical research issues such unlawful influence and its fixation. The thorough analysis of the procedural admissibility of the results of audio-, video- fixation of the facts of illegal influence over the participants of the criminal process. For the first time the author stressed the necessity of criminal procedural regulation the right of the victim, a witness, a suspect, a translator, expert, specialist to fixation by technical means photos-, audio-, video- records, including the hidden, of the facts of illegal influence on them.

Key words: participant of the criminal proceedings, security measures, criminal case, unlawful influence, audio-, video- fixation.

Аннотация

Статья посвящена исследованию правовых и теоретических вопросов фиксации участниками уголовного процесса фактов противоправного влияния на них в связи с участием в уголовном производстве. Приведены результаты статистического и эмпирического исследования вопросов такого противоправного влияния и его фиксации. Проведён основательный анализ процессуальной допустимости результатов аудио-, видео- фиксации фактов противоправного влияния в отношении участников уголовного процесса. Впервые автором подчеркнута необходимость уголовного процессуального закрепления права потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, переводчика, эксперта, специалиста на фиксацию при помощи технических средств фото-, аудио-, видеозаписи, в том числе скрытой, фактов противоправного влияния в отношении них.

Ключевые слова: участник уголовного производства, меры безопасности, уголовное производство, противоправное влияние, аудио-, видеофиксация.

Постановка проблемы. В последнее время Уголовное процессуальное законодательство Украины претерпело существенные преобразования, вызванные практической необходимостью ухода от обвинительно-карательного уклона в работе судебно-правоохранительной системы, политической целесообразностью приведения уголовного процесса в соответствие с демократическими стандартами. Действующий Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК) содержит много нововведений, направленных на устранение обвинительного характера правосудия, расширение прав подозреваемого (обвиняемого), доведение до идеальной нормы принципа состязательности сторон. Вместе с тем не очерчены вопросы подачи участниками про-

цесса доказательств противоправного влияния на них.

Актуальность темы исследования подтверждается малой степенью исследования теоретико-правовых вопросов фиксации участниками уголовного производства фактов противоправного влияния на них. В настоящее время отсутствуют научные работы, касающиеся процессуальной пригодности результатов такой фиксации.

Состояние исследования. Сфера уголовного судопроизводства и вопросы совершенствования уголовного процессуального закона явились объектом исследований В.И. Галагана, Ю.М. Грошевого, О.Ф. Долженкова, В.С. Зеленецкого, А.В. Ищенко, Н.С. Карпова, В.К. Лисиченко, М.М. Михеенко, Д.Й. Никифорчука, Ю.Ю. Орлова, Н.А. Погорецкого,

Б.Г. Розовского, С.М. Стахивского, В.М. Тертишника и других. Их работы послужили фундаментальной базой для дальнейшего исследования.

Целью статьи является исследование теоретико-правовых вопросов фиксации участниками уголовного производства фактов противоправного влияния на них.

Изложение основного материала. За 2014 год органами внутренних дел Украины (далее – ОВД) только официально было зарегистрировано: 39 уголовных правонарушений, предусмотренных ст. 386 Уголовного кодекса Украины [3] (далее – УК), которые связаны с воспрепятствованием появлению свидетеля, потерпевшего, эксперта, принуждением их к отказу от дачи показаний или изложения выводов; 26 правонарушений, предусмотренных ст. 398 КК (угроза или насилие в отношении судьи, народного заседателя или присяжного); 14 правонарушений, предусмотренных ст. 398 КК (угроза или насилие в отношении защитника или представителя лица); 2 правонарушения, предусмотренных ст. 399 КК (умышленное уничтожение или повреждение имущества защитника или представителя лица). При этом проанкетированные нами 291 следователь, 628 работников оперативных подразделений ОВД в большинстве считают, что преступления, связанные с таким противоправным влиянием, имеют высокую степень латентности, а потерпевшие в основной массе о них не заявляют. Установлено, что наиболее распространёнными способами противоправного влияния являются: угроза применения насилия, психическое насилие (о чём высказались 35,4 % работников оперативных подразделений, 29,1 % следователей); убеждение участника задуматься над возможными негативными для него последствиями предоставления показаний и подкуп (15,2 % оперуполномоченных, 24,3 % следователей); применение физического насилия (14,1% оперуполномоченных, 24,4 % следователей); давление на членов семей и близких родственников (12,7 % оперуполномоченных, 7,8 % следователей); нанесение вреда имуществу или жилищу, а также угроза его нанесения (11,5 % оперуполномоченных,

10,4 % следователей); дискредитация лица (8,9 % оперуполномоченных, 4,2 % следователей); убийство или угроза убийством (2,2% оперуполномоченных, 4 % следователей).

С учётом такой ситуации совершенствование механизмов обеспечения безопасности участников процесса и реализации их прав является особенно важным. В этом плане действующий УПК [4] содержит серьёзные пробелы, которые отсутствовали в УПК 1960 года [2]. Во-первых, в УПК не закреплены права и обязанности лиц, взятых под защиту. Указанные положения сейчас урегулированы в ст. 5 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве» [6, ст. 5]. Эта ситуация вызывает удивление с точки зрения того, что такие права участников, как подавать ходатайства, требовать от следователя, прокурора, суда применения или отмены мер безопасности, оспаривать незаконные решения и т.п., определены не в УПК. Ранее нами [19, с. 12-13, 83] отмечалось, что указанный выше Закон [6] должен регулировать преимущественно административно-правовые вопросы реализации отдельных непроцессуальных мер безопасности, осуществляемых вне рамок уголовного процесса по инициативе следователя, прокурора или судьи.

Во-вторых, необходимость и целесообразность разъяснения прав и обязанностей участникам процесса, взятым под защиту, не предусмотрена УПК [20], а регулируется разделом II указанного выше Закона [6]. Поэтому в рамках уголовного производства при разъяснении лицу его прав, процедуры их реализации следователь, прокурор или судья должны обращаться к отдельным положениям УПК и указанного выше Закона [6]. По этому поводу следует привести мнение О. Леписевич о том, что процедура разъяснения прав не должна сводиться к разъяснению каких-то отдельных прав или их групп, составлению множества отдельных протоколов или отметок в протоколах и постановлениях; такая процедура должна быть простой, четкой и безупречной – обеспечивать безотлагательное, полное и всестороннее разъяснение

всех без исключения прав (в том числе процедуры реализации таких прав) [14, с. 102-107].

Акцентируем внимание на том, что ситуация с нормативным обеспечением прав отдельных участников процесса не должна доходить до каких-то крайностей. Исследователь Ю.М. Мирошниченко [17, с. 41] отмечает, что, исходя из конституционных положений, права потерпевшего и подсудимого в уголовном процессе должны быть максимально уравновешенны, ведь только при таких условиях можно обеспечить реализацию другого базового принципа судопроизводства – состязательности сторон. Глубоко убеждены, что чрезмерное увлечение в правовом поле процессуальными правами обвиняемого (стороны защиты) автоматически приводит к ограничению прав и интересов участников со стороны обвинения. Ведь любое непривлечение виновного лица к уголовной ответственности вследствие нововведенных положений нарушает не только принцип неотвратимости наказания, а и права потерпевшего.

Печально известный пример - *Решение Конституционного Суда Украины № 12-рп / 2011* в деле по конституционному представлению Службы безопасности Украины относительно официального толкования положения ч. 3 ст. 62 Конституции Украины, [8] согласно которому «обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем». Это положение Конституции [1, ч. 3 ст. 62], по мнению Конституционного Суда, следует понимать так: «обвинение в совершении преступления не может основываться на фактических данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности уполномоченным на то лицом без соблюдения конституционных положений или с нарушением порядка, установленного законом, а также полученных путем совершения целенаправленных действий по их сбору и фиксации с применением мероприятий, предусмотренных Законом Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», лицом, не уполномоченным на осуществление такой деятельности» [8]. Это положение имеет прямое отношение к пра-

вам участников уголовного процесса, на которых оказывается противоправное влияние, поскольку истолковывает вопрос правомерности самостоятельной фиксации ими противоправных действий.

Конституционный Суд в свете этого решения напоминает древнегреческого софиста, который сознательно подменяет понятия, пытаясь запутать собеседника. Буквальное толкование указанного Решения [8] позволяет предположить, что гражданин, который не является лицом, уполномоченным на осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), лишен возможности приобщать результаты собственных аудио- и видеонаблюдений в качестве доказательств по уголовному производству. Юридическая техника резолютивной части Решения [8] не выдерживает критики, учитывая, что «незаконный путь» получения доказательств связывается только с мероприятиями ОРД, содержание которых в Решении [8] подробно не раскрывается. Создается впечатление, что Конституционный Суд путём принятия этого Решения [8] преследовал цель не качественной оценки допустимости доказательств, а создания правовой основы для избегания наказания теми должностными лицами, преступная деятельность которых может быть изобличена путем аудио-, видеофиксации.

Относительно нашего исследования **напрашивается ложный вывод**: если участник процесса целенаправленно с помощью аудио- и видеотехники скрыто фиксирует угрозы убийства, насилия в свой адрес, то результаты такой фиксации доказательного значения иметь не будут. С позиции Конституционного Суда такая ситуация является вполне приемлемой, ведь участник процесса не является лицом, уполномоченным на осуществление ОРД, поэтому получать таким образом доказательства в подтверждение своего заявления и фиксировать преступление он не может. Такая логика нивелирует даже результаты мировой практики журналистских расследований и применения при их проведении скрытой аудио- или видеозаписи. Например, законодательства европейских стран разрешают

скрытую фиксацию гражданином или журналистом разговора, в котором он принимает участие. Руководства для работников телерадиокомпаний диктуют осуществлять скрытую запись, если речь идет о преступной или антиобщественной деятельности, использовать полученные результаты в качестве доказательств преступлений [15]. Даже законодательство РФ [20, ст. 50] допускает осуществление журналистами скрытой аудио- и видеозаписи, распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой записи (съемки).

Считаем, что Конституционный Суд при вынесении Решения [8] допустил логическую ошибку, указав на все мероприятия, предусмотренные Законом Украины «Об оперативно-розыскной деятельности». Вместо этого необходимо было отметить только те мероприятия, что связаны с серьезным вмешательством в частную сферу (проникновение в жилище, установление там средств аудио- и видеоконтроля, прослушивание телефонных переговоров и т. п.). Ранее на основании анализа ограничительно-го влияния отдельных интрузивных мероприятий мы уже отмечали [19, с. 209-210], что не является вмешательством в частную сферу и не должно требовать получения разрешения суда или прокурора проведение аудио- и видеоконтроля, наблюдения в общественных и публично доступных местах, а также аудиофиксация частной беседы, которая осуществляется по согласию хотя бы одного из ее участников или непосредственно участником разговора. Такие выводы базируются на естественном праве человека на информацию: «Каждый имеет право свободно собирать, хранить, использовать и распространять информацию устно, письменно либо иным способом – по своему выбору» [1, ст. 34]. При этом общедоступная акустическая или оптическая информация, что может быть получена за пределами частного сектора, не является исключением. Исходя из этого, в случае непризнания доказательствами результатов самостоятельной аудио-, видеофиксации угроз в адрес участника уголовного процесса нарушаются его права: право как гражда-

нина на информацию (ч. 1 ст. 34 Конституции); право как потерпевшего представлять доказательства следователю, прокурору, суду (п. 3 ч. 1 ст. 56 УПК), которое возникает с момента подачи заявления о совершении в отношении лица уголовного правонарушения (ч. 2 ст. 55 УПК); право как потерпевшего во время досудебного расследования представлять доказательства в подтверждение своего заявления (п. 3 ч. 2 ст. 56 УПК).

Согласно данным проведенного нами анкетирования 7,2 % следователей ОВД приходилось вместе с заявлением (ходатайством) участника процесса об обеспечении безопасности принимать (исследовать) технические носители с зафиксированной аудиовизуальной информацией, подтверждающей противоправное влияние на него. В процессе экспертного опроса опытных следователей выяснено, что участники процесса часто самостоятельно фиксируют угрозы в свой адрес, попытки их подкупить (договориться). В качестве средств фиксации скрыто используют мобильные телефоны, реже – цифровые диктофоны или видеорегистраторы. В тех случаях, когда сделанная запись может быть использована в качестве доказательства, следователи протоколом фиксируют объяснение лица об условиях записи, технических средствах, которые использовались, указывают наименование и маркировку носителя информации, прослушивают запись и протоколируют содержание разговоров, приобщают к материалам уголовного производства само техническое средство и носитель информации.

В процессе исследования был установлен следующий случай. В 2012 году к одному из старших следователей ОВД Украины в Луганской области обратился свидетель по уголовному делу, которое находилось в его производстве, и предоставил запись разговора с представителями обвиняемого. Запись была осуществлена свидетелем с помощью технического средства – диктофона-видеокамеры в виде ручки, которое содержало разговор по поводу события преступления и недвусмысленные угрозы в адрес свидетеля. В итоге указанная запись не была приобщена к материалам

дела, поскольку следователь не мог утвердительно ответить: является ли указанное техническое средство специальным техническим средством негласного получения информации? Опасения следователя были вполне оправданы, ведь если бы это средство оказалось специальным, то непременно возник бы вопрос привлечения уже свидетеля к ответственности (за использование такого средства), а сама запись была бы признана полученной незаконным путем.

Вопрос использования доказательств, полученных незаконным путем, в теории уголовного процесса является дискуссионным. Отдельные исследователи высказываются категорически против такого использования, в частности В.М. Савицкий отмечает, что «нарушение всегда остаются нарушениями, и бороться с ними ... нужно одним лишь способом: наказывать за нарушение признанием бесплодия, ничтожности потраченных усилий» [18, с. 105-106]. А. Чувилов, А. Лобанов, Р. Костенко [21, с. 47-48; 13, с. 18] утверждают, что любое нарушение установленных УПК правил сбора и закрепления доказательств независимо от их характера и степени приводит к их недопустимости.

Другие исследователи высказываются за дифференцированный подход к нарушениям правил допустимости. В частности, советский процессуалист М.Л. Якуб [22, с. 20] считает, что «никакие нарушения не дают оснований оставить без оценки по сути то или иное из рассмотренных доказательств, отбросив их из-за недопустимости». Профессор Ю.М. Грошевой [9, с. 115] также допускает использование доказательств, полученных с определенными отступлениями от положений закона, обосновывая это иерархией обязательных процессуальных требований, которые позволяют разграничить существенные и несущественные нарушения закона. Кстати, действующий УПК учитывает указанное положение, определяя недопустимость доказательств, полученных в результате существенного нарушения прав и свобод человека [4, ст. 87].

Достаточно обоснованно высказывается П.А. Лупинская [16, с. 4], которая связывает недопустимость

доказательств с влиянием допущенного нарушения на достоверность зафиксированных в процессуальном документе данных, а также возможность выяснить причину несоблюдения процессуальной формы и получить необходимые сведения, относящиеся к сущности проведенного действия и достоверности его отражения в документе. Отдельные исследователи, в том числе и В.В. Золотых [11, с. 47-48], придерживаются «асимметричного подхода», при котором представляется возможным использование доказательств, полученных с отдельными нарушениями, когда полученные сведения свидетельствуют о невиновности лица.

Сегодня вопрос о допустимости доказательств урегулирован ч. 1 ст. 87 УПК [4], где предусмотрено, что недопустимыми являются доказательства, полученные в результате существенного нарушения прав и свобод человека, гарантированных Конституцией и законами Украины, а также любые другие доказательства, полученные благодаря информации, полученной в результате существенного нарушения прав и свобод человека. Поэтому если суд сочтет необходимым признать факт самостоятельной скрытой аудио-видеофиксации существенным нарушением, то эти фактические данные доказательного значения иметь не будут, а процессуальные права участника будут нарушены.

В целом проблема самостоятельной фиксации фактов противоправного влияния на участников уголовного процесса имеет много общего с проблемой сбора участниками процесса доказательственной информации, которая исследовалась известными учеными еще в советские времена. Так, по поводу проблем доказывания советский исследователь Л.Д. Кокорев [12, с. 78] утверждал, что пострадавшему необходимо предоставить право по поручению следователя, лица, производящего дознание, или суда собирать доказательства по делу. Проведенное им исследование показало, что участники процесса часто проявляют энергию и инициативу в сборе доказательств, поскольку они заинтересованы в полном и быстром раскрытии преступления. Иного мне-

ния В.А. Дубривный [10, с. 46], который утверждал, что потерпевший как заинтересованное лицо может предоставлять необъективные данные. УПК воплощает принцип состязательности сторон и предусматривает: потерпевший вправе представлять доказательства следователю, прокурору, суду, в т.ч. имеет право подавать и доказательства угрозы собственной безопасности [4, п. 3 ч. 1 ст. 56, п. 3 ч. 2 ст. 56]; подозреваемый, обвиняемый также наделяются правом собирать и подавать следователю, прокурору, следственному судье, суду доказательства [4, п. 8 ч. 3 ст. 42, п. 2 ч. 4 ст. 42].

Считаем, что заинтересованность лица в установлении объективной истины, реализации своих прав будет способствовать всестороннему и полному исследованию информации об угрозе безопасности. В частности, участник процесса имеет право осуществлять записи собственных разговоров, совершать иные действия, направленные на сбор доказательственной информации об угрозе собственной безопасности. Прогрессивным в этом отношении является принятый Верховной Радой Украины закон № 1165 от 20.05.2015 [7, с. 78], который разрешает гражданам использовать, в т.ч. скрыто, аудио- и видеоустройства для фиксации фактов вымогательства или получения неправомерной выгоды (взятки).

Выводы. Подытоживая весь вышеизложенный материал, считаем необходимым дополнить ч. 3 ст. 42, ч. 1 ст. 57, ч. 1 ст. 66, ч. 2 ст. 68, ч. 3 ст. 69, ч. 4 ст. 71 действующего УПК Украины в части прав потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, переводчика, эксперта, специалиста *следующим правом*: «фиксировать при помощи технических средств фото-, аудио-, видеозаписи, в том числе скрыто, факты противоправного влияния в связи с участием в уголовном производстве».

Список использованной литературы:

1. Конституція України від 28.06.1996 р. № 254к/96-ВР : станом на 21.02.2014 р. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради

України. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua>. – Назва з екрану.

2. Кримінально-процесуальний кодекс України від 28 грудня 1960 року : станом на 15.11.2011 р. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua>. – Назва з екрану.

3. Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 року : станом на 14.10.2014 р. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua>. – Назва з екрану.

4. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 року : станом на 07.10.2014 р. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua>. – Назва з екрану.

5. Закон України «Про оперативно-розшукову діяльність» від 18 лютого 1992 року : станом на 14.10.2014 р. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua>. – Назва з екрану.

6. Закон України «Про забезпечення безпеки осіб, які беруть участь у кримінальному судочинстві» від 23 грудня 1993 року : станом на 14.10.2014 р. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua>. – Назва з екрану.

7. Проект Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо посилення ролі громадянського суспільства в боротьбі з корупційними злочинами» від 20 травня 2015 року : станом на 04.06.2015 р. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://w1.c1.rada.gov.ua>. – Назва з екрану.

8. Рішення Конституційного Суду України № 12-рп/2011 від 20 жовтня 2011 року у справі за конституційним поданням Служби безпеки України щодо офіційного тлумачення положення частини третьої статті 62 Конституції України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua>. – Назва з екрану.

9. Грошевий Ю.М. Проблеми диференціювання порушень кримінально-процесуальних норм в доказуванні / Ю.М. Грошевий // Вісник

Академії правових наук України. – 1997. – № 2 (9). – С. 112–121.

10. Дубривный В.А. Потерпевший на предварительном следствии в советском уголовном процессе / В.А. Дубривный. – Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1966. – 102 с.

11. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе: Монография / В.В. Золотых. – Ростов-на-Дону, 1999. – 288 с.

12. Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе / Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1964. – 139 с.

13. Костенко Р.В. Порядок решения конституционного требования допустимости доказательств в ходе уголовного судопроизводства / Р.В. Костенко // Российский судья. – 2004. – № 9. – С. 18.

14. Лепісевич О. Проблеми реалізації та захисту прав потерпілих від злочину / О. Лепісевич // Вісник прокуратури. – 2008. – № 5. – С. 102–107.

15. Лукина М.М. Технология интервью : учебное пособие для вузов / М.М. Лукина. – М.: Аспект пресс, 2012. – 192 с.

16. Лупинская П.А. Основание и порядок принятия решения о недопустимости доказательств / П.А. Лупинская // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 2–5.

17. Мірошніченко Ю.М. Посилення процесуального статусу потерпілого як перспективний напрям удосконалення кримінального судочинства / Ю.М. Мірошніченко // Вісник Верховного Суду України. – К., 2011. – № 3. – С. 41–47.

18. Савицкий В.М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации / В.М. Савицкий // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 105–106.

19. Тарасенко Р.В. Безпека учасників кримінального судочинства: кримінальні процесуальні та оперативно-розшукові основи : монографія / Р.В. Тарасенко / МВС України, Одеський держ. ун-т внутр. справ. – Одеса: ОДУВС, 2015. – 510 с.

20. Федеральный Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «Закон о средствах массовой информации» [Електронний ресурс] // Информационно-правовой портал. – Режим доступу: <http://base.garant.ru>. – Назва з екрану.

21. Чувилев А. «Плоды отравленного дерева» / А. Чувилев, А. Лобанов // Российская юстиция. – 1996. – № 11. – С. 47–48.

22. Якуб М.Л. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе / М.Л. Якуб // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». – 1974. – № 6. – С. 12–21.